

На дюнах

Рассказ пойдет о ютландских дюнах, но начинается он не там, а далеко, далеко на юге, в Испании: море ведь соединяет все страны, перенесись же мыслью в Испанию! Как там тепло, как чудесно! Среди темных лавровых деревьев мелькают пурпуровые гранатные цветы; прохладный ветерок веет с гор на апельсиновые сады и великолепные мавританские галереи, с золочеными куполами и расписными стенами. По улицам двигаются процессии детей, со свечами и развевающимися знаменами в руках, а в вышине над улицами города раскинулось ясное, чистое небо, усеянное сияющими звездами! Льются звуки песен, щелкают кастаньеты, юноши и девушки кружатся в пляске под сенью цветущих акаций; нищий сидит на ступенях мраморной лестницы, утоляет жажду сочным арбузом и затем опять погружается в привычную дремоту, сладкий сон! Да и все здесь похоже на какой-то чудный сон! Все манит к сладкой лени, к чудным грезам! Таким грезам наяву предавалась и юная новобрачная чета, осыпанная всеми благами земными; все было ей дано: и здоровье, и счастье, и богатство, и почетное положение в обществе.

>

— Счастливее нас никого и быть не может! — искренне говорили они; и все же им предстояло подняться по лестнице человеческого благополучия еще на одну ступень, если бы Бог даровал им ожидаемое дитя, сына, живое физическое и духовное изображение их самих.

Счастливое дитя! Его бы встретили общее ликование, самый нежный уход и любовь, все благополучие, какое только могут дать человеку богатство и знатная родня.

Вечным праздником была для них жизнь.

— Жизнь — милосердный дар любви, почти слишком великий, необъятный! — сказала супруга. — И представить себе, что эта полнота блаженства должна еще возрасти там, за пределами земной жизни, возрасти до бесконечности!.. Право, я даже не в силах справиться с этой мыслью, до того она необъятна!

— Да она и чересчур самонадеянна! — ответил муж. — Ну, не самонадеянно ли, в сущности, воображать, что нас ожидает вечная жизнь... как богов? Стать подобными богам — ведь эту мысль внушил людям змий, отец лжи!

— Но не сомневаешься же ты в будущей жизни? — спросила молодая супруга, и словно темное облачко скользнуло впервые по безоблачному горизонту их мыслей.

— Религия обещает нам ее, священники подтверждают это обещание! — сказал молодой муж. — Но именно теперь, чувствуя себя на верху блаженства, я и сознаю, насколько надменно, самонадеянно с нашей стороны требовать после этой жизни еще другой, требовать продолжения нашего блаженства! Разве не дано нам уже здесь, в этой жизни, так много, что мы не только можем, но и должны вполне удовлетвориться ей!

— Да, нам-то дано много, — возразила жена, — но для скольких тысяч людей земная жизнь — сплошное испытание; сколько людей от самого рождения бывают обречены на бедность, унижение, болезни и несчастье! Нет, если бы за этой жизнью не ждала людей другая, земные блага были бы распределены слишком неровно, и Бог не был бы Судьею Всеправедным!

— И у нищего бродяги есть свои радости, по-своему не уступающие радостям короля, владетеля пышного дворца! — ответил молодой человек. — И разве не чувствует, по-твоему, тяжести своей земной участи рабочий скот, которого бьют, морят голодом и работой? Значит, и животное может требовать себе загробной жизни, считать несправедливостью свое низкое положение в ряду других созданий.

— «В доме Отца Моего Небесного есть много обителей», — сказал Христос! — возразила молодая женщина. — Царство небесное беспредельно, как и любовь Божия! Животные тоже Его творения, и, по-моему, ни одно живое существо не погибнет, но достигнет той ступени блаженства, на какую только способно подняться!

— Ну, а с меня довольно и этой жизни! — сказал муж и обнял свою красавицу жену. Дым его сигаретки уносился с открытого балкона в прохладный воздух, напоенный ароматом апельсиновых цветов и гвоздики; с улицы доносились звуки песен и щелканье кастаньет; над головами их сияли звезды, а в глаза мужу глядели нежные очи, сияющие огнем бесконечной любви, очи его супруги.

— Да одна такая минута стоит того, чтобы человек родился, пережил ее и — исчез! — продолжал он, улыбаясь; молодая женщина ласково погрозила ему пальчиком, и темное облачко пронеслось — они были чересчур счастливы!

Обстоятельства слагались для них так благоприятно, что жизнь сулила им впереди еще большие блага. Правда, их ждала перемена, но лишь места, а не

счастливого образа жизни. Король назначил молодого человека посланником при Императорском Российском Дворе — происхождение и образование делали его вполне достойным такого почетного назначения.

Молодой человек и сам имел состояние, да и молодая супруга принесла ему не меньшее; она была дочерью богатого, уважаемого коммерсанта. Один из самых больших и лучших кораблей последнего как раз должен был в этом году идти в Стокгольм; на нем-то и решили отправить дорогих детей, дочь и зятя, в Петербург. Корабль был разубран с королевской роскошью, всюду мягкие ковры, шелк и бархат...

В одной старинной, всем нам, датчанам, известной песне «об английском королевиче» говорится, как королевич этот отплывает на богато разубранном корабле, с якорями из чистого золота и шелковыми снастями. Вот об этом-то корабле и вспоминалось, глядя на испанский корабль: та же роскошь: те же мысли при отплытии:

О, дай же нам. Боже, счастливо вернуться!

Подул сильный попутный ветер, минута прощания была коротка. Через несколько недель корабль должен был достигнуть конечной цели путешествия. Но когда он был уже далеко от земли, ветер улегся, сияющая ровная поверхность моря, казалось, застыла; вода блестела, звезды сияли, а в богатой каюте словно праздник шел.

Под конец, однако, все стали желать доброго попутного ветра, но он и не думал являться, если же временами и дул ветер, то не попутный, а встречный. Недели шли за неделями, прошло целых два месяца, пока дождались благоприятного ветра с юго-запада. Корабль находился в это время между Шотландией и Ютландией; ветер надул паруса и понес корабль — совсем как в старинной песне об «английском королевиче»:

И ветер подул, небеса потемнели;

Куда им укрыться? Где берег, где порт?

Свой якорь на дно золотой опустили,

Но к Дании злобный их ветер несет.

С тех пор прошло много лет. В те времена на троне Дании сидел юный король Христиан VII; много событий совершилось за это время, многое изменилось, переменилось. Озера и болота стали сочными лугами, степи — обработанными полями, а на западном берегу Ютландии, под защитой стен крестьянских

избушек, выросли яблоки и розы. Но их приходится отыскивать глазами: так ловко они прячутся от резкого западного ветра. И все же тут, на этом берегу, легко перенестись мыслью даже во времена еще более отдаленные, нежели царствование Христиана VII: в Ютландии и теперь, как в старину, стелется необозримая бурая степь, родина миражей, усеянная могильными курганами, изрезанная перекрещивающимися, кочковатыми песчаными дорогами. На западе же, где большие реки впадают в заливы, по-прежнему расстилаются луга и болота, защищенные со стороны моря высокими дюнами. Зубчатые вершины дюн тянутся по берегу, словно горная цепь, прерываемая в иных местах глинистыми откосами; море годы за годами откусывает от них кусок за куском, так что выступы и холмы, наконец, рушатся, точно от землетрясения. Такова была Ютландия и в те времена, когда счастливая чета плыла на богатом корабле.

Сентябрь был на исходе; погода стояла солнечная; было воскресенье; звуки колоколов догоняли друг друга, разносясь вдоль берега Ниссумфиорда. Самые церкви напоминали обтесанные каменные глыбы — каждая была высечена в обломке скалы. Море перекачивало через них свои волны, а они себе стояли да стояли. Большинство из них было без колоколен; колокола, укрепленные между двумя столбами, висели под открытым небом.

Служба в церкви кончилась, и народ высыпал на кладбище, на котором и тогда, как теперь, не виднелось ни деревца, ни кустика, ни цветка, ни даже венка на могилах. Только небольшие холмы указывали места, где покоились усопшие; все кладбище поросло острой, жесткой травой; ветер так и трепал ее. Кое-где на могилах попадались и памятники, то есть полусгнившие обломки бревен, обтесанные в виде гроба. Обломки эти доставлял прибрежный лес — дикое море. В море растут для берегового жителя и готовые балки, и доски, и деревья; доставляет же их на берег прибой. Но ветер и морской туман скоро заставляют их сгнить.

Такой обломок лежал и на детской могилке, к которой направилась одна из женщин, вышедших из церкви.

Она стояла молча, устремив взор на полуистлевший деревянный обломок. Немного погодя к ней присоединился ее муж. Они не обменялись ни словом, он взял ее за руку, и они пошли по бурой степи и болоту к дюнам. Долго шли они молча, наконец муж промолвил:

— Хорошая была сегодня проповедь! Не будь у нас Господа, у нас не было бы ничего!

— Да, — ответила жена, — Он посылает нам радости, Он же посылает и горе! И Он прав всегда... А сегодня нашему мальчугану исполнилось бы пять лет, будь он жив.

— Право, напрасно ты так горюешь! — сказал муж. — Он счастливо отделался и находится теперь там, куда и нам надо проситься у Бога.

Больше они не говорили и направились к дому. Вдруг над одной из дюн, на которой песок не был укреплен никакой растительностью, поднялся как бы столб дыма: сильный вихрь взрыл и закрутил мелкий песок. Затем пронесся новый порыв ветра, и развешанная на веревках для просушки рыба забарабанила в стены дома; потом опять все стихло; солнце так и пекло.

Муж с женой вошли в свою избушку и, живо поснимав с себя праздничные платья, поспешили опять на дюны, возвышавшиеся на берегу, словно чудовищные, внезапно остановившиеся на пути, песочные волны. Некоторое разнообразие красок вносили росшие на белом песке голубовато-зеленые острые стебельки песочного овса и песчанки. На берег собрались еще несколько соседей, и мужчины соединенными силами втащили лодки повыше на песок. Ветер все крепчал, становился все резче и холоднее, и, когда муж с женою повернули обратно домой, песок и острые камешки так и полетели им прямо в лицо. Сильные порывы ветра срезывали белые гребешки волн и рассыпали их мелкой пылью.

Свечерело; в воздухе как будто выл, свистел и стонал целый легион проклятых духов; муж с женою не слышали даже грохота моря, а избушка их стояла чуть не на самом берегу. Песок так и летел в оконные стекла, порывы ветра грозили иногда повалить саму избушку. Стемнело, но около полуночи должна была проглянуть луна.

Небо прояснилось, но буря бушевала на море с прежней силой. Муж и жена давным-давно улеглись в постели, но нечего было и думать заснуть в такую непогоду; вдруг в окно к ним постучали, дверь приотворилась, и кто-то сказал:

— На крайнем рифе стоит большой корабль!

В одну минуту муж и жена вскочили и оделись.

Луна светила довольно ярко, но бушующий песочный вихрь слепил глаза. Ветер дул такой, что хоть ложись на него; только с большим трудом, чуть не ползком, пользуясь паузами между порывами урагана, можно было перебраться через дюны. На берег, словно лебяжий пух, летела с моря соленая пена; море с шумом и ревом катило кипящие волны. Надо было иметь опытный глаз, чтобы сразу различить в море судно. Это был великолепный

двухмачтовый корабль; его несло к берегу через рифы, но на последнем он сел.

>

Оказать помощь кораблю или экипажу нечего было и думать — море слишком разбушевалось, волны нещадно хлестали корпус судна и перекатывались через него... Рыбакам чудились крики и вопли отчаяния; видно было, как люди на корабле беспомощно, растерянно суетились... Вот встал огромный вал и обрушился на бугшприт. Миг — и бугшприта как не бывало; корма высоко поднялась над водою, и с нее спрыгнули в этот момент две обнявшиеся человеческие фигуры, спрыгнули и исчезли в волнах... Миг еще, и — огромная волна выкинула на дюны тело... молодой женщины, по-видимому, бездыханное. Несколько рыбацек окружили ее, и им показалось, что она еще подает признаки жизни. Сейчас перенесли ее в ближайшую избушку. Как хороша и нежна была бедняжка! Верно, знатная дама!

>

Ее уложили на убогую кровать, без всякого белья, прикрытую одним шерстяным одеялом, но в него-то и следовало укутать незнакомку — чего уж теплее!

Ее удалось вернуть к жизни, но она оказалась в жару и не сознавала ничего: ни того, что случилось, ни того, куда попала. Да и слава Богу: все, что было ей дорого в жизни, лежало теперь на дне морском. Все случилось, как в песне «об английском королевиче»

Ужаснее вида и быть не могло:

Разбилось судно о риф, как стекло.

Море выбросило на берег обломки корабля, из людей же уцелела одна молодая женщина. Ветер все еще выл, но в избушке на несколько мгновений воцарилась тишина: молодая женщина забылась; потом начались боли и крики, она раскрыла свои дивные глаза и сказала что-то, но никто не понял ни единого слова.

И вот в награду за все перенесенные ею страдания в объятиях ее очутилось новорожденное дитя. Его ожидала великолепная колыбель с шелковым пологом, роскошное жилище, ликование, восторги и жизнь, богатая всеми благами земными, но Господь судил иначе: ему довелось родиться в бедной избушке, и даже поцелуя матери не суждено было ему принять.

Жена рыбака приложила ребенка к груди матери, и оно очутилось возле сердца, которое уже перестало биться, — мать умерла. Дитя, которое должно было встретить в жизни одно богатство, одно счастье, было выброшено морем на дюны, чтобы испытать нужду и долю бедняка.

Испанский корабль разбился немного южнее Ниссумфиорда. Жестокие, бесчеловечные времена, когда береговые жители промышляли грабежом потерпевших кораблекрушение, давным-давно миновали. Теперь несчастные встречали тут любовное, сердечное отношение, широкую готовность прийти на помощь. Наше время может гордиться истинно благородными чертами характера! Умиравшая мать и несчастный ребенок нашли бы приют и уход в любом домике на берегу, но нигде не отнеслись бы к ним участливее, сердечнее, чем в том именно, куда они попали: у бедной рыбацки, так грустно стоявшей вчера возле могилы своего ребенка, которому в этот день должно было бы исполниться пять лет.

Никто не знал, кто такая была умершая женщина или откуда. Корабельные обломки были немы.

В Испании, в доме богатого купца, так никогда и не дождались ни письма, ни весточки о дочери или зяте. Узнали только, что они не достигли места назначения и что в последние недели на море бушевали страшные бури. Ждали месяцы, наконец, пришла весть: «Полное крушение; все погибли».

А в рыбацкой избушке на дюнах появился новый жилец.

Там, где Господь посылает пищу для двоих, хватит и на третьего: на берегу моря хватит рыбы на голодный желудок. Мальчика назвали Юргеном.

— Это, верно, еврейское дитя! — говорили про него. — Ишь, какой черномазый!

— А, может быть, он испанец или итальянец! — сказал священник. Но все эти три народности были в глазах жены рыбака одним и тем же, и она утешалась, что дитя крещено. Ребенок подрастал; благородная кровь питалась бедной пищей; отпрыск благородного рода вырастал в бедной избушке. Датский язык, западно-ютландское наречие, стал для него родным языком. Гранатное зернышко с испанской почвы выросло на западном берегу Ютландии песчинкой. Вот как может приспособляться человек! Он сросся с новой родиной всеми своими жизненными корнями. Ему суждено было изведать и голод, и холод, и другие невзгоды, но также и радости, выпадающие на долю бедняка.

>

Детство каждого человека имеет свои радости, которые бросают светлый отблеск на всю его жизнь. В играх и забавах у Юргена недостатка не было. На морском берегу было чистое раздолье для игр: весь берег был усеян игрушками, выложен, словно мозаикой, разноцветными камешками. Тут попадались и красные, как кораллы, и желтые, как янтари, и белые, кругленькие, как птичьи яички, словом, всевозможные мелкие обточенные и отшлифованные морем камешки. Высохшие остовы рыб, сухие водоросли и другие морские растения, белевшие на берегу и опутывавшие камни точно тесемками, тоже служили игрушками, забавой для глаз, пищей для ума. Юрген был мальчуган способный, богато одаренный. Как он запоминал разные истории и песни! А уж что за руки у него были, просто золотые! Из камней и ракушек мастерил он кораблики и картинки для украшения стен. Мальчик мог, по словам его приемной матери, выразить свои мысли резьбой на кусочке дерева, а он был еще невелик. Как чудесно звенел его голосок; мелодии так сами собой и лились из его горлышка. Да, много струн было натянуто в его душе: они могли бы зазвучать на весь мир, сложись его судьба иначе, не забрось она его в эту глухую рыбацкую деревушку.

Однажды поблизости разбился корабль и на берег выбросило волнами ящик с редкими цветочными луковицами. Некоторые из них были искрошены в похлебку — рыбаки сочли их за съедобные, другие остались гнить на песке. Им не суждено было выполнить свое назначение — развернуть взорам всю скрытую в них роскошь красок. Будет ли Юрген счастливее? Луковицы скоро погибли, его же ожидали долгие годы испытания.

Ни ему, ни кому другому из окружающих никогда и в голову не приходило, что дни тянутся здесь скучно и однообразно: здесь было вдоволь работы и рукам, и глазам, и ушам. Море являлось огромным учебником и каждый день развертывало новую страницу, знакомило береговых жителей то со штилем, то с легким волнением, то с ветром и штормом. Кораблекрушения были крупными событиями, а посещения церкви являлись настоящими праздниками. Из посещений же родных и знакомых особенную радость доставлял семейству рыбака приезд дяди, продавца угрей из Фьяльтринга, что близ Бовбьерга. Он приезжал сюда два раза в год на крашеной тележке, полной угрей; тележка представляла ящик с крышкой и была расписана по красному фону голубыми и белыми тюльпанами; тащила ее пара чалых волов. Юргену позволялось покататься на них.

Торговец угрями был остряк, весельчак и всегда привозил с собою бочонок водки. Всякому доставался полный стаканчик или кофейная чашечка, если не хватало стаканов; даже Юргену, как ни мал он был, давалась порция с добрый

наперсток. Надо же выпить, чтобы удержать в желудке жирного угря, говорил торговец и при этом всякий раз рассказывал одну и ту же историю, а если слушатели смеялись, рассказывал ее еще раз с начала. Такая уж слабость у словоохотливых людей! И так как Юрген сам зачастую руководился этой историей и в отрочестве, и даже в зрелом возрасте, то надо и нам познакомиться с нею.

В реке плавали угри; дочери все просились у матери погулять на свободе, подняться вверх по реке, а мать говорила им: «Не заходите далеко! Не то придет гадкий рыбак и всех вас заколет!» Но они все-таки зашли слишком далеко, и из восьми дочерей вернулись к матери только три. Они принялись жаловаться: «Мы только чуть-чуть вышли из дома, как явился гадкий рыбак и заколол сестриц своим трезубцем до смерти!» — «Ну, они еще вернутся к нам!» — сказала мать. «Нет! — ответили дочери, — он ведь содрал с них кожу, разрезал их на куски и зажарил!» — «Вернутся!» — повторила мать. «Да ведь он съел их!» — «Вернутся!» — «Он запил их водкой!» — сказали дочери. «Ай! Ай! Так они никогда не вернутся! — завывала мать. — Водка хоронит угрей!»

— Вот и следует всегда запивать это блюдо водочкой! — прибавлял торговец.

История эта прошла через вою жизнь Юргена красной нитью, давая обширный материал для забавных острот, поговорок и сравнений. И Юргену по временам страсть как хотелось выглянуть из дома, погулять по белу свету, а мать его, как и угриная matka, говорила: «На свете много злых людей-рыбаков!» Ну, а недалеко от дюн, в степи, побывать было можно, и он побывал. Четыре веселых дня осветили собой все его детство; в них отразилась для него вся красота Ютландии, вся радость и счастье родного края. Родителей Юргена пригласили на пир — правда, на похоронный.

Умер один из их состоятельных родственников. Жил он в степи, к северо-востоку от рыбацкой слободки. Родители взяли Юргена с собою. Миновав дюны, степь и болото, дорога пошла по зеленому лугу, где прорезывает себе путь река Скэрум, изобилующая угрями. В ней-то и жила угриная matka со своими дочками, которых злые люди убили, ободрали и разрезали на куски. Но часто люди поступали не лучше и с себе подобными. Вот и рыцарь Бугге, о котором говорится в старинной песне, был убит злыми людьми, да и сам он, как ни был добр, собирался убить строителя, что воздвигнул ему толстостенный замок с башнями. Замок этот стоял на том самом месте, где приостановился теперь Юрген со своими родителями, при впадении реки Скэрум в Ниссумфиорд. Валы еще виднелись, и на них остатки кирпичных стен. Рыцарь Бугге, посылая своего слугу в погоню за ушедшим строителем, сказал: "Догони его и скажи: «Мастер, башня падает! Если он

обернется, сруби ему голову и возьми деньги, что он получил от меня, а если не обернется, оставь его идти с миром».

>

Слуга догнал строителя и сказал, что было ведено, но тот, не оборачиваясь, ответил: «Башня еще не падает, но некогда придет с запада человек в синем плаще и заставит ее упасть». Так оно и случилось сто лет спустя: море затопило страну, и башня упала, но владелец замка Предбьёрн Гюльденстьерне выстроил себе новую, еще выше прежней; она стоит и посейчас в Северном Восборге.

Мимо последнего им тоже пришлось проходить. Все эти места давно были знакомы Юргену по рассказам, услаждавшим для него долгие зимние вечера, и вот теперь он сам увидел и двор, окруженный двойными рвами, деревьями и кустами, и вал, поросший папоротником. Но лучше всего были здесь высокие липы, достававшие вершинами до крыши и наполнявшие воздух сладким ароматом. В северо-западном углу сада рос большой куст, осыпанный цветами, что снегом. Это была бузина, первая цветущая бузина, которую видел Юрген. И она да цветущие липы запечатлелись в его памяти на всю жизнь; ребенок запасся на старость воспоминаниями о красоте и аромате родины.

Остальную часть пути совершили гораздо скорее и удобнее: как раз у Северного Восборга, где цвела бузина, Юргена с родителями нагнали другие приглашенные на пир, ехавшие в тележке, и предложили подвезти их. Конечно, всем троим пришлось поместиться позади, на деревянном сундуке, окованном железом, но для них это было все-таки лучше, чем идти пешком. Дорога шла по кочковатой степи; волы, тащившие тележку, время от времени останавливались, встретив среди вереска клочок земли, поросший свежеей травкой; солнышко припекало, и над степью курился диковинный дымок. Он вился клубами и в то же время был прозрачнее самого воздуха; казалось, солнечные лучи клубились и плясали над степью.

— Это «Локеман» гонит свое овечье стадо! — сказали Юргену, и ему было довольно: он сразу перенесся в сказочную страну, но не терял из виду и окружающей действительности. Какая тишина стояла в степи!

Во все стороны разбегалась необозримая степь, похожая на драгоценный ковер; вереск цвел; кипарисово-зеленый можжевельник и свежие отпрыски дубков выглядывали из него букетами. Так и хотелось броситься на этот ковер поваляться — не будь только тут множества ядовитых гадюк!.. Об них-то да о волках и пошла речь; последних водилось тут прежде столько, что всю местность звали Волчьей. Старик возница рассказывал, что в старину, когда

еще жив был его покойный отец, лошадям часто приходилось жестоко отбиваться от кровожадных зверей, а раз утром и ему самому случилось набрести на лошадь, попиравшую ногами убитого ей волка, но ноги ее были все изгрызены.

Слишком скоро для мальчика проехали они кочковатую степь и глубокие пески и прибыли в дом, где было полным-полно гостей. Повозки жались друг к другу; лошади и волы пощипывали тощую травку. За двором возвышались песчаные дюны, такие же высокие и огромные, как и в родной слободке Юргена. Как же они попали сюда с берега, ведь оттуда три мили? Ветер поднял и перенес их; у них своя история.

Пропели псалмы, двое-трое старичков и старушек прослезились, а то было очень весело, по мнению Юргена: ешь и пей вволю. Угощали жирными угрями, а их надо было запивать водочкой. «Она удерживает угрей!» — говаривал старик-торговец, и тут крепко держались его слов. Юрген шнырял повсюду и на третий день чувствовал себя тут совсем как дома. Но здесь, в степи, было совсем не то, что у них в рыбацкой слободке, на дюнах: степь так и кишела цветочками и голубицей; крупные, сладкие ягоды прямо топтались ногами, и вереск орошался красным соком.

Там и сям возвышались курганы; в тихом воздухе курился дымок; горит где-нибудь степь — говорили Юргену. Вечером же над степью подымалось зарево — вот было красиво!

На четвертый день поминки кончились, пора было и домой, на приморские дюны.

— Наши-то настоящие, — сказал отец, — а в этих никакой силы нет.

Зашел разговор о том, как они попали сюда, внутрь страны. Очень просто. На берегу нашли мертвое тело; крестьяне схоронили его на кладбище, и вслед за тем началась страшная буря, песок погнало внутрь страны, море дико лезло на берег. Тогда один умный человек посоветовал разрыть могилу и поглядеть, не сосет ли покойник свой большой палец. Если да, то это водяной, и море требует его. Могилу разрыли: покойник сосал большой палец; сейчас же взвалили его на телегу, запрягли в нее двух волов, и те как ужаленные помчали ее через степь и болото прямо в море. Песочная метель прекратилась, но дюны как их намело, так и остались стоять внутри страны. Юрген слушал и сохранял все эти рассказы в своей памяти вместе с воспоминаниями о счастливейших днях детства, о поминках.

Да, то ли дело вырваться из дома, увидеть новые места и новых людей! И Юргену предстояло-таки вырваться опять. Ему еще не минуло четырнадцати лет, а он уже нанялся на корабль и отправился по белу свету. Узнал он и погоду, и море, и злых, жестоких людей! Недаром он был юнгой! Скучная пища, холодные ночи, плеть и кулаки — всего пришлось ему отведать. Было от чего иногда вскипеть его благородной испанской крови; горячие слова просились на язык, но умнее было прикусить его, а для Юргена это было то же, что для угря позволить себя ободрать и положить на сковороду.

— Ну, да я возьму свое! — говорил он сам себе.

Довелось ему увидеть и испанский берег, родину его родителей, даже тот самый город, где они жили в счастье и довольстве, но он ведь ничего не знал ни о своей родине, ни о семье, а семья о нем — и того меньше.

Парнишке не позволяли даже бывать на берегу, и он ступил на него в первый раз только в последний день стоянки: надо было закупить кое-какие припасы, и его взяли с собою на подмогу.

И вот Юрген, одетый в жалкое платишко, словно выстиранное в канаве и высушенное в трубе, очутился в городе. Он, уроженец дюн, впервые увидел большой город. Какие высоченные дома, узенькие улицы, сколько народа! Толпы сновали туда и сюда; по улицам как будто неслась живая река: горожане, крестьяне, монахи, солдаты... Крик, шум, гам, звон бубенчиков на ослах и мулах, звон церковных колоколов, пение и щелканье, стукотня и грохотня: ремесленники работали на порогах домов, а то так и прямо на тротуарах. Солнце так и пекло, воздух был тяжел и удушлив; Юргену казалось, что он в раскаленной печи, битком набитой жужжащими и гудящими навозными и майскими жуками, пчелами и мухами; голова шла кругом. Вдруг он увидел перед собою величественный портал собора; в полутьме под сводами мерцали свечи, курился фимиам. Даже самый оборванный нищий имел право войти в церковь; матрос, с которым послали Юргена, и направился туда; Юрген за ним. Яркие образа сияли на золотом фоне. На алтаре, среди цветов и зажженных свечей, красовалась Божья Мать с Младенцем Иисусом. Священники в роскошных облачениях пели, а хорошенькие нарядные мальчики кадили. Вся эта красота и великолепие произвели на Юргена глубокое впечатление; вера и религия его родителей затронули самые сокровенные струны его души; на глазах у него выступили слезы.

Из церкви они направились на рынок, закупили нужные припасы, и Юргену пришлось тащить часть их. Идти было далеко, он устал и приостановился

отдохнуть перед большим великолепным домом с мраморными колоннами, статуями и широкими лестницами. Юрген прислонил свою ношу к стене, но явился раззолоченный швейцар в ливрее и, подняв на него палку с серебряным набалдашником, прогнал прочь — его, внука хозяина! Но никто ведь не знал этого; сам Юрген — меньше всех.

>

Корабль отплыл; опять потянулась та же жизнь: толчки, ругань, недосыпание, тяжелая работа... Что ж, не мешает отведать всего! Это ведь, говорят, хорошо — пройти суровую школу в юности. Хорошо-то, хорошо — если потом ждет тебя счастливая старость!

Рейс кончился, корабль опять стал на якорь в Рингкьебингсфиорде, и Юрген вернулся домой, в рыбацью слободку, но, пока он гулял по свету, приемная мать его умерла.

Настала суровая зима. На море и суше бушевали снежные бури; просто беда была пробираться по степи. Как, в самом деле, разнятся между собою разные страны: здесь леденящий холод и метель, а в Испании страшная жара! И все же, увидав в ясный, морозный день большую стаю лебедей, летевших со стороны моря к Северному Восбору, Юрген почувствовал, что тут все-таки дышится легче, что тут, по крайней мере, можно насладиться прелестями лета. И он мысленно представил себе степь, всю в цветах, усеянную спелыми, сочными ягодами, и цветущие липы у Северного Восбора... Ах, надо опять побывать там!

Подошла весна, началась ловля рыбы, Юрген помогал отцу. Он сильно вырос за последний год, и дело у него спорилось. Жизнь так и была в нем ключом; он умел плавать и сидя, и стоя, даже кувыркаться в воде, и ему часто советовали остерегаться макрелей — они плавают стадами и нападают на лучших пловцов, увлекают их под воду и пожирают. Вот и конец! Но Юргену судьба готовила иное.

У соседей был сын Мортен; Юрген подружился с ним, и они вместе нанялись на одно судно, которое отплывало в Норвегию, потом в Голландию. Серьезно ссориться между собою им вообще было не из-за чего, но мало ли что случается! У горячих натур руки ведь так и чешутся; случилось это раз и с Юргеном, когда он повздорил с Мортеном из-за каких-то пустяков. Они сидели в углу за капитанской рубкой и ели из одной глиняной миски; у Юргена был в руках нож, и он замахнулся им на товарища, причем весь побледнел и дико сверкнул глазами. А Мортен только промолвил:

— Так ты из тех, что готовы пустить в дело нож?

В ту же минуту рука Юргена опустилась; молча доел он обед и взялся за свое дело. По окончании же работ он подошел к Мортену и сказал: «Ударь меня в лицо — я стою! Во мне, право, вечно бурлит через край, точно в горшке с кипятком!»

— Ну, ладно, забудем это! — отвечал Мортен, и с тех пор дружба их стала чуть не вдвое крепче. Вернувшись домой, в Ютландию, на дюны, они рассказывали о житье-бытье на море, рассказали и об этом происшествии. Да, кровь в Юргене бурлила через край, но все же он был славный, надежный «горшок».

— Только не «ютландский» — ютландцем его назвать нельзя! — сострил Мортен. (Так называемая «ютландская посуда», изготавливается из темной глины и отличается огнеупорностью и прочностью. — Примеч. перев.)

Оба были молоды и здоровы; оба — парни рослые, крепкого сложения, но Юрген отличался большей ловкостью.

На севере, в Норвегии, крестьяне пасут свои стада на горах, где и имеются особые пастушьи шалаши, а на западном берегу Ютландии на дюнах понастроены хижины для рыбаков; они сколочены из корабельных обломков и крыты торфом и вереском; по стенам внутри идут нары для спанья. У каждого рыбака есть своя девушка-помощница; обязанности ее — насаживать на крючки приманки, встречать хозяина, возвращающегося с лова, теплым пивом, готовить ему кушанье, вытаскивать из лодок пойманную рыбу, потрошить ее и проч.

Юрген, отец его и еще несколько рыбаков с их работницами помещались в одной хижине. Мортен жил в ближайшей.

Между девушками была одна по имени Эльза, которую Юрген знал с детства. Оба были очень дружны между собою; в их нравах было много общего, но наружностью они резко отличались: он был смуглый брюнет, а она беленькая; волосы у нее были желтые, как лен, а глаза светло-голубые, как освещенное солнцем море.

Раз они шли рядом; Юрген держал ее руку в своей и крепко пожимал ее. Вдруг Эльза сказала ему:

— Юрген, у меня есть что-то на сердце! Лучше бы мне работать у тебя — ты мне все равно что брат, а Мортен, к которому я нанялась, — мой жених. Не надо только болтать об этом другим!

Песок словно заколыхался под ногами Юргена, но он не проронил ни слова, только кивнул головой: согласен, мол. Большого от него и не требовалось. Но он-то в ту же минуту почувствовал, что всем сердцем ненавидит Мортена. Чем больше он думал о случившемся — а раньше он никогда так много не думал об Эльзе, — тем яснее становилось ему, что Мортен украл у него любовь единственной девушки, которая ему нравилась, то есть Эльзы; вот оно как теперь выходило!

Стоит посмотреть, как рыбаки переносятся, в свежую погоду, по волнам через рифы. Один из рыбаков стоит на носу, а гребцы не спускают с него глаз, выжидая знака положить весла и отдаться надвигающейся волне, которая должна перенести лодку через риф. Сначала волна поднимает лодку так высоко, что с берега виден киль ее; минуту спустя она исчезает в волнах; не видно ни самой лодки, ни людей, ни мачты; море как будто поглотило все... Но еще минута, и лодка вновь показывается на поверхности по другую сторону рифа, словно вынырнувшее из воды морское чудовище; весла быстро шевелятся — ни дать ни взять ноги животного. Перед вторым, перед третьим рифом повторяется то же самое; затем рыбаки спрыгивают в воду и подводят лодку к берегу; удары волны помогают им, подталкивая ее сзади.

Не подать вовремя знака, ошибиться минутой, и — лодка разобьется о риф.

«Тогда бы конец и мне, и Мортену!» Эта мысль мелькнула у Юргена, когда они были на море. Отец его вдруг серьезно занемог, лихорадка так и трепала его; между тем лодка приближалась к последнему рифу;

Юрген вскочил и крикнул:

— Отец, пусти лучше меня! — и взгляд его скользнул с лица Мортена на волны.

Вот приближается огромная волна... Юрген взглянул на бледное лицо отца и — не мог исполнить злого намерения. Лодка счастливо миновала риф и достигла берега, но злая мысль крепко засела в голове Юргена; кровь в нем так и кипела; со дна души всплывали разные соринки и волокна, запавшие туда за время дружбы его с Мортеном, но он не мог выпрясть из них цельную нить, за которую бы мог ухватиться, и он пока не приступал к делу. Да, Мортен испортил ему жизнь, он чувствовал это!

Так как же ему было не возненавидеть его? Некоторые из рыбаков заметили эту ненависть, но сам Мортен не замечал ничего и оставался тем же добрым товарищем и словоохотливым — пожалуй, даже чересчур словоохотливым — парнем.

А отцу Юргена пришлось слечь; болезнь оказалась смертельной, и он через неделю умер. Юрген получил в наследство дом на дюнах, правда маленький, но и то хорошо, у Мортена не было и этого.

— Ну, теперь не будешь больше наниматься в матросы! Останешься с нами навсегда! — сказал Юргену один из старых рыбаков.

Но у Юргена как раз было в мыслях другое — ему именно и хотелось погулять по белу свету. У торговца угрями был дядя, который жил в Старом Скагене; он тоже занимался рыболовством, но был уже зажиточным купцом и владел собственным судном. Слыл он милым стариком; у такого стоило послужить. Старый Скаген лежит на крайнем севере Ютландии, далеко от рыбацкой слободки и дюн, но это-то обстоятельство особенно и было по душе Юргену: он не хотел пировать на свадьбе Эльзы и Мортена, а ее готовились сыграть недели через две.

Старый рыбак не одобрял намерения Юргена — теперь у него был собственный дом, и Эльза, наверно, склонится, скорее, на его сторону.

Юрген ответил на это так отрывисто, что не легко было добраться до смысла его речи, но старик взял да и привел к нему Эльзу. Немного сказала она, но все-таки сказала кое-что:

— У тебя дом... Да, тут задумаешься!..

И Юрген сильно задумался.

По морю ходят сердитые волны, но сердце человеческое волнуется иногда еще сильнее; его бушуют страсти. Много мыслей пронеслось в голове Юргена; наконец он спросил Эльзу:

— Если бы у Мортена был такой же дом, кого из нас двоих выбрала бы ты?

— Да ведь у Мортена нет и не будет дома!

— Ну, представь себе, что он у него будет.

— Ну, тогда я, верно, выбрала бы Мортена — люб он мне! Но этим сыт не будешь!

Юрген раздумывал об этом всю ночь. Что такое толкало его, он и сам не мог дать себе отчета, но безотчетное влечение оказалось сильнее его любви к Эльзе, и он повиновался ему — пошел утром к Мортену. То, что Юрген сказал Мортену при свидании, было строго обдуманно им в течение ночи: Он уступил товарищу свой дом на самых выгодных для того условиях, говоря, что сам

предпочитает наняться на корабль и уехать. Эльза, узнав обо всем, расцеловала Юргена прямо в губы — ей ведь был люб Мортен.

Юрген собирался отправиться в путь на другой же день рано утром. Но вечером, хотя и было уже поздно, ему вздумалось еще раз навестить Мортена. Он пошел и на пути, на дюнах, встретил старого рыбака, который не одобрял его намерения уехать. «У Мортена, верно, зашит в штанах утиный клюв, что девушки так льнут к нему!» — сказал старик. Но Юрген прервал разговор, простился и пошел к Мортену. Подойдя поближе, он услышал в доме громкие голоса: у Мортена кто-то был. Юрген остановился в нерешительности — с Эльзой ему вовсе не хотелось встречаться. Подумав хорошенько, он не захотел выслушивать лишний раз изъявлений благодарности Мортена и повернул назад.

>

Утром, еще до восхода солнца, он связал свой узелок, взял с собой корзинку со съестными припасами и сошел с дюн на самый берег; там идти было легче, чем по глубокому песку, да и ближе: он хотел пройти сначала в Фьяльтринг к торговцу угрями, благо обещал навестить его.

Ярко синела блестящая поверхность моря; берег был усеян ракушками и раковинками; игрушки, забавлявшие его в детстве, так и хрустели под его ногами. Вдруг из носа у него брызнула кровь — пустячное обстоятельство, но и оно, случается, приобретает важное значение. Две-три крупные капли упали на рукав его рубашки. Он затер их, остановил кровь и почувствовал, что от кровотечения ему стало как-то легче и в голове, и на сердце. В песке вырос кустик морской капусты; он отломил веточку и воткнул ее в свою шляпу. «Смело, весело вперед! Белый свет посмотреть, выглянуть из дома, как говорили угри. Берегитесь людей! Они злые, убьют вас, разрежут и зажарят на сковороде! — повторил он про себя и рассмеялся: — Ну, я-то сумею сберечь свою шкуру! Смелость города берет!»

Солнце стояло уже высоко, когда он подошел к узкому проливу, соединявшему западное море с Ниссумфиордом. Оглянувшись назад, он увидел вдали двух верховых, а на некотором расстоянии за ними еще нескольких пеших людей; все они, видимо, спешили. Ну да ему-то что за дело? Лодка была у другого берега; Юрген кликнул перевозчика; отчалили, но не успели выехать на середину пролива, как мчавшиеся во весь опор верховые доскакали до берега и принялись кричать, приказывая Юргену именем закона вернуться обратно. Юрген в толк не мог взять, что им от него надо, но рассудил, что лучше всего вернуться, сам взялся за одно весло и принялся

грести обратно к берегу. Едва лодка причалила, люди, толпившиеся на берегу, вскочили в нее и скрутили Юргену руки веревкой; он и опомниться не успел.

— Погоди! Поплатишься головой за свое злодейство! — сказали они. — Хорошо, что мы поймали тебя!

Обвиняли его ни больше ни меньше, как в убийстве: Мортена нашли с перерезанным горлом. Один из рыбаков встретил вчера Юргена поздно вечером на пути к жилищу Мортена, Юрген уже не раз угрожал последнему ножом — значит, он и убийца! Следовало крепко стеречь его; в Рингкьепинге — самое верное место, да не скоро туда доберешься. Дул как раз западный ветер; в какие-нибудь полчаса, а то и меньше, можно было переправиться через залив и выехать на реку Скэрум, а оттуда уж всего четверть мили до Северного Восборга, где тоже есть крепкий замок с валами и рвами. В лодке был вместе с другими брат старосты, и он полагал, что им разрешат посадить Юргена в яму, где сидела вплоть до самой своей казни Долговязая Маргарита.

Оправданий Юргена не слушали: капли крови на рубашке уличали его. Сам-то он знал, что невинен, но другие этому не верили, и он решил покориться судьбе.

Лодка пристала как раз у того вала, где возвышался некогда замок рыцаря Бугге и где останавливались отдохнуть Юрген и его родители на пути на пир, на поминки. Ах, эти четыре счастливых, светлых дня детства!.. Теперь его вели по той же самой дороге, по тем же лугам, к Северному Восборгу, где по-прежнему стояла осыпанная цветами бузина и цветущие, душистые липы. Он словно только вчера проходил тут.

В левом надворном крыле замка, под одной из высоких лестниц, открывался спуск в низкий сводчатый подвал. Оттуда выведена была на казнь Долговязая Маргарита. Она съела пять детских сердец и думала, что, если съест еще два, приобретет умение летать и делаться невидимкою. В стене была пробита крошечная отдушина, но освежающий аромат душистых лип не мог через нее пробраться. Сырость, плесень, голые доски вместо постели — вот что нашел Юрген в подвале. Но чистая совесть, говорят, мягкая подушка, значит, Юргену спалось хорошо.

Толстая дверь была заложена тяжелым железным болтом, но призраки суеверия проникают и через замочную скважину, проникают и в барские хоромы, и в рыбацьи хижины, а сюда, к Юргену, пробирались и подавно. Он сидел и думал о Долговязой Маргарите, о ее злодеянии... В воздухе как будто витали еще ее последние мысли, мысли, которым она предавалась в ночь перед казнью. Приходили Юргену на ум и рассказы о чудесах, какие

совершались тут при жизни помещика Сванведеля: собаку, сторожившую мост, каждое утро находили повешенной на цепи на перилах моста. Все эти мрачные мысли осаждали и пугали Юргена, и лишь одно воспоминание озаряло подвал солнечным лучом — воспоминание о цветущей бузине и липах.

Впрочем, недолго сидел он тут; его перевели в Рингкьепинг, в такое же суровое заточение.

В те времена было не то что в наше; плохо приходилось бедному человеку. У всех еще в памяти было, как крестьянские дворы и целые селения обращались в новые господские поместья, как любой кучер или лакей становился судьей и присуждал бедняка крестьянина за самый ничтожный проступок к лишению надела или к плетям. Кое-что подобное и продолжало еще твориться в Ютландии: вдали от королевской резиденции и просвещенных блюстителей порядка и права с законом поступали довольно произвольно. Так это было еще сполагоря, что Юргену пришлось потомиться в заключении.

Что за холод стоял в помещении, куда его засадили! Когда же будет конец всему этому? Он невинен, а его предали позору и бедствиям — вот его судьба! Да, тут он мог поразмыслить о ней на досуге. За что она так преследовала его?.. Все выяснится там, в будущей жизни, которая ждет нас всех! Юрген вырос с этой верой. То, чего не мог уяснить себе отец, окруженный роскошной, залитой солнцем природой Испании, то светило отрадным лучом сыну среди окружавшего его мрака и холода. Юрген твердо уповал на милость Божию, а это упование никогда не бывает обмануто.

Весенние бури опять давали себя знать. Грохот моря слышен был на много миль кругом, даже в глубине страны, но лишь после того, как буря улеглась. Море грохотало, словно катились по твердому, взрытому грунту сотни тяжелых телег. Юрген чутко прислушивался к этому грохоту, который вносил в его жизнь хоть какое-нибудь разнообразие. Никакая старинная песня не доходила так до его сердца, как музыка катящихся волн, голос бурного моря. Ах, море, дикое, вольное море! Ты да ветер носите человека из страны в страну, и всюду он носится вместе с домом своим, как улитка, всюду носит с собою часть своей родины, клочок родной почвы!

Как прислушивался Юрген к глухому ропоту волн и как в нем самом волновались мысли и воспоминания! «На волю! На волю!» На воле — рай, блаженство, даже если на тебе башмаки без подошв и заплатанное грубое платье! Кровь вскипала в нем от гнева, и он ударял кулаком о стену.

Так проходили недели, месяцы, прошел и целый год. Вдруг поймали вора Нильса, по прозвищу «барышник», и для Юргена настали лучшие времена: выяснилось, как несправедливо с ним поступили.

К северу от Рингкьепинского залива была корчма; там-то и встретились вечером, накануне ухода Юргена из слободки, Нильс и Мортен.

Выпили по стаканчику, выпили по другому, и Мортен не то чтобы опьянел, а так... разошелся больно, дал волю языку — рассказал, что купил дом и собирается жениться. Нильс спросил, где он взял денег, и Мортен хвастливо ударил по карману:

— Там, где им и следует быть!

Хвастовство стоило ему жизни. Он пошел домой, Нильс прокрался за ним и всадил ему в шею нож, чтобы отобрать деньги, которых не было.

Все эти обстоятельства были изложены в деле подробно, но с нас довольно знать, что Юргена выпустили на волю. Ну, а чем же вознаградили его за все, что он вытерпел: годовое заключение, холод и голод, отторжение от людей? Да вот, ему сказали, что он, слава Богу, невинен и может уходить. Бургомистр дал ему на дорогу десять марок, а несколько горожан угостили пивом и хорошей закуской. Да, водились там и добрые люди, не все одни такие, что готовы заколоть, ободрать да на сковородку положить! Лучше же всего было то, что в город приехал в это время по делам тот самый купец Бренне из Скагена, к которому Юргену хотелось поступить год тому назад.

Купец узнал всю историю и захотел вознаградить Юргена за все перенесенное им; сердце у старика было доброе, он понял, чего должен был натерпеться бедняга, и собирался показать ему, что есть на свете и добрые люди.

Из темницы — на волю, на свет Божий, где его ожидали любовь и сердечное участие! Да, пора ему было испытать и это. Чаша жизни никогда не бывает наполнена одной полынью — такой не поднесет ближнему ни один добрый человек, а уж тем меньше сам Господь — Любовь Всеобъемлющая.

— Ну, поставь-ка ты над всем этим крест! — сказал купец Юргену. — Вычеркнем этот год, как будто его и не было, сожжем календарь и через два дня — в путь, в наш мирный, богоспасаемый Скаген! Его зовут «медвежьим углом», но это уголок уютный, благословенный, с открытыми окнами на белый свет!

Вот была поездка! Юрген вздохнул полной грудью. Из холодной темницы, из душного, спертого воздуха вновь очутиться на ярком солнышке!

Вереск цвел, вся степь была в цветах; на кургане сидел пастушонок и наигрывал на самодельной дудочке из бараньей кости. Фата-Моргана, чудные воздушные видения степи: висячие сады и плавающие в воздухе леса, диковинное колебание воздушных волн — явление, о котором крестьяне говорят: «Это Локеман гонит свое стадо» — все это увидел он вновь.

Путь их лежал к Лимфиорду, к Скагену, откуда вышли «длиннобородые люди», лонгобарды. В царствование короля Снио здесь был голод, и порешили избить всех стариков и детей, но благородная женщина Гамбарук, владельница одного из северных поместий, предложила лучше выселить молодежь из пределов страны. Юрген знал это предание — настолько-то он был учен — и если не знал вдобавок и самой страны лонгобардов, лежащей за высокими Альпами, то знал, по крайней мере, на что она приблизительно похожа. Он ведь еще мальчуганом побывал на юге, в Испании, и помнил сваленные горами плоды, красные гранаты, шум, гам и колокольный звон в огромном городе, напоминавшем собою улей. Но самой лучшей страной остается все-таки родина, а родиной Юргена была Дания.

Наконец, они достигли и Вендиль-Скага, как называется Скаген в старинных норвежских и исландских рукописях. Уже и в те времена тянулась здесь по отмели, вплоть до маяка, необозримая цепь дюн, прерываемая обработанными полями, и находились города: Старый Скаген, Вестербю и Эстербю. Дома и усадьбы и тогда были рассыпаны между наносными, подвижными песчаными холмами, и тогда взметал буйный ветер ничем не укрепленный песок, и тогда оглушительно кричали здесь чайки, морские ласточки и дикие лебеди. Старый Скаген, где жил купец Бренне и должен был поселиться Юрген, лежит на милю юго-западнее мыса Скагена. Во дворе купца пахло дегтем; крышами на всех надворных строениях служили перевернутые кверху дном лодки; свиные хлева были сколочены из корабельных обломков; двор не был огорожен — не от кого и нечего было огораживать, хотя на длинных веревках, развешанных одна над другою, и сушилась распластанная рыба. Весь морской берег был покрыт гнилыми сельдями: не успевали закинуть в море невод, как он приходил битком набитый сельдями; их и девать было некуда — приходилось бросать обратно в море или оставлять гнить на берегу.

Жена и дочь купца и все домочадцы радостно встретили отца и хозяина, пошло пожиманье рук, крики, говор. А что за славное личико и глазки были у дочки купца!

В самом доме было просторно и уютно. На столе появились рыбные блюда — такие камбалы, какими бы полакомился сам король! А вина были из

скагенских виноградников из великого моря: виноградный сок притекает в Скаген прямо в бочках и бутылках.

Когда же мать и дочь узнали, кто такой Юрген, услышали, как жестоко и безвинно пришлось ему пострадать, они стали глядеть на него еще ласковее; особенно ласково смотрела дочка, милая Клара. Юрген нашел в Старом Скагене уютный, славный семейный очаг; теперь сердце его могло успокоиться, а много-таки этому бедному сердцу пришлось изведать, даже горечь несчастной любви, которая либо ожесточает его, либо делает еще мягче, чувствительнее. Сердце Юргена не ожесточилось, оно было еще молодо, и теперь в нем оставалось незанятое местечко. Кстати, поэтому подоспела поездка Клары в гости к тетке, в Христианзанд, в Норвегию. Она собиралась отправиться туда на корабле недели через три и прогостить там всю зиму.

В последнее воскресенье перед отъездом Клары все отправились в церковь причащаться. Церковь была большая, богатая; построили ее несколько столетий тому назад шотландцы и голландцы; недалеко от нее выстроился и самый город. Церковь уже несколько обветшала, а дорога к ней вела очень тяжелая, с холма на холм, то вверх, то вниз, по глубокому песку, но жители все-таки охотно шли в Божий храм пропеть псалмы и послушать проповедь. Песочные заносы достигали уже вершины кладбищенской ограды, но могилы постоянно очищались.

Это была самая большая церковь к северу от Лимфиорда. На алтаре словно живая стояла Божья Матерь с Младенцем на руках; на хорах помещались резные деревянные изображения апостолов, а наверху, по стенам, висели портреты старых скагенских бургомистров и судей; под каждым портретом красовалась условная подпись данного лица. Кафедра тоже была вся резная. Солнце весело играло на медной люстре и на маленьком кораблике, подвешенном к потолку.

Юргена охватило то же чувство детского благоговения, которое он испытал еще мальчиком в богатом соборе в Испании, но здесь к этому чувству присоединялось еще сознание, что и он принадлежит к пастве.

После проповеди началось причащение. Юрген тоже вкусил хлеба и вина, и случилось так, что он преклонил колена как раз рядом с Кларою. Но мысли его были обращены к Богу, он всецело был занят совершавшимся таинством и заметил, кто была его соседка, только тогда, когда уже встал с колен. Взглянув на нее, он увидел, что по щекам ее струились слезы.

Два дня спустя она уехала в Норвегию, а Юрген продолжал исправлять разные работы по дому, участвовали в рыбной ловле, а в те времена там-таки было что ловить — побольше, чем теперь. Стада макрелей оставляли за собою по ночам светящийся след, выдававший их движения под водою; керцы (рыба — *cottus scorpius*) хрипели, а крабы издавали жалобный вой, когда попадались ловцам; рыбы вовсе не так немые, как о них рассказывают. Вот Юрген, тот был помолчаливее их, хранил свою тайну глубоко в сердце, но когда-нибудь и ей суждено было всплыть наружу.

Сидя по воскресеньям в церкви, он набожно устремлял взоры на изображение Божьей Матери, красовавшееся на алтаре, но иногда переводил их не надолго и на то место, где стояла рядом с ним на коленях Клара. Она не выходила у него из головы... Как она была добра к нему!

Вот и осень пришла: сырость, мгла, слякоть... Вода застаивалась на улицах города, песок не успевал ее всасывать, и жителям приходилось пускаться по улицам вброд, если не вплавь. Бури разбивали о смертоносные рифы корабль за кораблем. Начались снежные и песочные метели; песок заносил дома, и обывателям приходилось зачастую вылезать из них через дымовые трубы, но им это было не в диковинку. Зато в доме купца было тепло и уютно; весело трещали в очаге торф и корабельные обломки, а сам купец громко читал из старинной хроники сказание о датском принце Амлете, вернувшемся из Англии и давшем битву у Бовбьерга. Могила его находится близ Раммэ, всего милях в двух от того места, где жил старый торговец угрями; в необозримой степи возвышались сотни курганов; степь являлась огромным кладбищем. Купец Бренне сам бывал на могиле Амлета. Наскучит читать, принимались за беседу; толковали о старине, о соседях англичанах и шотландцах, и Юрген пел старинную песню «об английском королевиче», о том, как был разубран корабль:

Борта золоченые ярко сияют,

Написано слово Господне на них;

А нос корабля галион украшает:

Принц девицу держит в объятьях своих.

Эту песню Юрген пел с особенным чувством; глаза его так и блестели; они уж с самого рождения были у него такие черные, блестящие.

Итак — пели, читали; в доме царила тишь да гладь да Божья благодать; все чувствовали себя, как в родной семье, даже домашние животные. А уж что за порядок был в доме, что за чистота! На полках блестела ярко вычищенная

оловянная посуда, к потолку были подвешены колбасы и окорока — обильные зимние запасы. В наши времена все это можно увидеть на западном берегу Ютландии у многих крестьян: такое же обилие съестных припасов, такое же убранство в горницах, веселье и здравый смысл; вообще дела у них поправились. И гостеприимство здесь царит такое же, как в шатрах арабов.

Никогда еще не жилось Юргену так хорошо, так весело, если не считать тех веселых четырех дней детства, проведенных в гостях на поминках. А между тем здесь еще не было Клары; то есть не было ее дома, а в мыслях и разговорах она присутствовала постоянно.

В апреле купец решил послать в Норвегию свое судно; на нем отправлялся и Юрген. Вот-то повеселел он! Ну, да и в теле он за это время поправился, как говорила сама матушка Бренне; приятно было взглянуть на него.

— И на тебя тоже! — сказал ей муж. — Юрген оживил наши зимние вечера, да и тебя, старушка! Ты даже помолодела за этот год. Ишь, какая стала — любо посмотреть! Ну да ведь ты и была когда-то первою красавицей в Виборге, а это много значит: нигде я не видал таких красивых девушек, как там.

Юрген не проронил ни слова — да и не следовало, — а только подумал об одной девушке из Скагена. К ней-то он и отправлялся теперь. Судно, подгоняемое свежим ветром, пробыло в пути всего полдня.

Рано утром купец Бренне отправился на маяк, что возвышается далеко в море, близ самой крайней точки мыса Скагена. Когда он поднялся на вышку, огонь был уже давно потушен, солнце стояло высоко. На целую милю от берега тянулись в море песчаные мели. На горизонте показалось в этот день много кораблей, и купец надеялся с помощью подзорной трубы отыскать между ними и свою «Карен Бренне». В самом деле, она приближалась; на ней были и Клара с Юргеном. Вот они уже увидели вдали Скагенский маяк и церковную колокольню, казавшиеся издали цаплей и лебедем на голубой воде. Клара сидела у борта и смотрела, как на горизонте вырисовывались одна за другою родные дюны. Продолжай дуть попутный ветер, они бы меньше чем через час были дома. Так близка была радость встречи — так близок был и ужасный час смерти.

В одном из боков судна сделалась пробоина, и вода хлынула в трюм. Бросились выкачивать воду, затыкать отверстие, подняли все паруса, выкинули флаг, означавший, что судно в опасности. До берега оставалось плыть всего какую-нибудь милю, вдали уже показались рыбацьи лодки, спешившие на помощь, ветер гнал судно к берегу, течение помогало, но судно

погружалось в воду с ужасающей быстротой. Юрген обвил правой рукой стан Клары.

>

Как она посмотрела ему в глаза перед тем, как он, призывая имя Божие, бросился с нею в волны! Она вскрикнула, но ей нечего было бояться — он не выпустит ее.

Принц девицу держит в объятьях своих!

Юрген тоже решился на это в час страшной опасности. Умение плавать пригодилось ему теперь; он то работал обеими ногами и свободной рукой — другой он крепко прижимал к себе девушку, то отдавался течению, лишь слегка шевеля ногами, словом, пользовался всеми приемами, какие знал, чтобы сберечь силы и достигнуть берега. Вдруг он почувствовал, что Клара глубоко вздохнула и судорожно затрепетала... Он прижал ее к себе еще крепче. Волны перекатывались через их головы; течение подымало их; вода была так чиста и прозрачна. Одну минуту ему казалось, что он видит в глубине стадо блестящих макрелей или, может быть, это было само морское чудовище, готовившееся поглотить их... Облака, проплывая по небу, бросали на воду легкую тень, потом на ней опять играли лучи солнца. Стаи птиц с криком носились над головой Юргена; сонливо покачивавшиеся на волнах дикие утки при его приближении испуганно взлетали кверху. А силы пловца все падали... Он чувствовал это; до берега оставалось плыть еще немало, но помощь была близка, лодка подходила. Вдруг он ясно увидел под водой белую, смотревшую на него в упор, фигуру... Волна подхватила его, фигура приблизилась... Он почувствовал удар... все померкло в глазах!..

На рифе под водой засел обломок корабля с галионом, изображавшим женщину, опиравшуюся на якорь. Об его-то острие, торчавшее кверху, и ударился Юрген, подгоняемый течением. Без чувств погрузился он в воду вместе со своей ношей, но следующая волна опять вскинула их кверху.

Рыбаки втащили обоих в лодку; лицо Юргена было все в крови; он лежал, как мертвый, но девушку держал так крепко, что ее едва высвободили у него из рук. Безжизненную, бледную положили ее на дно лодки, направлявшейся к Скагену.

Были пущены в ход все средства, но вернуть Клару к жизни не удалось. Давно уже плыл Юрген с трупом в объятиях, боролся и изнемогал, спасая мертвую.

А сам Юрген еще дышал, и его отнесли в ближайший дом, за дюнами. Какой-то фельдшер, бывший в то же время и кузнецом и мелочным торговцем, перевязал его рану в ожидании лекаря, за которым послали в Гьерринг.

У больного был затронут мозг; он лежал в бреду, испуская дикие крики, но на третий день впал в забытие. Жизнь, казалось, висела в нем на волоске, и, по словам лекаря, лучше было бы, если бы волосок этот порвался.

— Дай Бог, чтобы он умер! Ему не бывать больше человеком! Но он не умер, волосок не порвался; зато порвалась нить воспоминаний, были подрезаны в корне все умственные способности — вот что ужасно! Осталось одно тело, которое готовилось выздороветь и жить по-своему. Купец Бренне взял Юргена к себе.

— Он пострадал, спасая наше дитя! — сказал старик. — Теперь он наш сын.

Юргена стали звать полоумным. Но это было не совсем верно; он походил на инструмент с ослабевшими, переставшими звучать, струнами. Лишь на какое-нибудь мгновение, в редкие минуты, они обретали прежнюю упругость и звучали, да и то раздавалось всего несколько отдельных аккордов старых мелодий. Картины прошлого всплывали и опять исчезали, и Юрген снова сидел, бессмысленно вперив в пространство неподвижный взор. Надо думать, что он, по крайней мере, не страдал. Черные глаза утратили свой блеск, смотрели безжизненными, тусклыми.

«Бедный, слабоумный Юрген!» — говорили про него.

Так вот до чего дожило дитя, которое мать носила под сердцем для жизни, столь богатой счастьем, что было бы непростительной гордостью желать, не говоря уже — ожидать за пределами ее другой! Итак, все богатые способности души пошли прахом? Нужда, горе и бедствие были его уделом; он, как роскошная цветочная луковица, был выдернут из богатой почвы и брошен на песок — гнить! Разве не достойно было лучшей участи творение, созданное «по образу и подобию» самого Бога? Разве все на свете лишь игра пустых случайностей? Нет! Милосердный Господь несомненно готовил ему в другой жизни награду за все, что он выстрадал в этой. «Милосердие Божие превышает всех дел Его!» — эти слова псалмопевца с верою повторяла благочестивая жена купца, и сердечной молитвой ее была молитва о скорейшем переселении Юргена в царство Божьей милости, где царит вечная жизнь.

Клару похоронили на кладбище, которое все больше и больше заносило песком. Но Юрген, казалось, и не сознавал этого; это не входило в узкую сферу его мыслей; они ловили только обрывки прошлого. Каждое воскресенье

сопровождал он семейство купца в церковь и сидел смирно, уставившись перед собою бессмысленным взором. Но однажды, слушая пение псалмов, он вздохнул, глаза его заблестели и остановились на том месте близ алтаря, где он год тому назад стоял на коленях рядом со своей умершей возлюбленной. Он назвал ее имя, побледнел, как полотно, и заплакал.

Ему помогли выйти из церкви, и он сказал, что ему совсем хорошо. Он уже не помнил, что с ним случилось, не помнил ничего. Да, Господь тяжело испытывал его! Но может ли кто сомневаться в мудрости и милосердии Творца Нашего? Наше сердце, наш разум говорят нам о Его мудрости и милосердии, а Библия подтверждает: «Милосердие Его превыше всех дел Его!»

А в Испании, где теплый ветерок ласкает апельсиновые и лавровые деревья, веет на мавританские золоченые купола, где льются звуки песен, щелкают кастаньеты, где по улицам движутся процессии детей со свечами и развевающимися знаменами, сидел в роскошном доме бездетный старик, богатейший купец. Чего ни отдал бы он из своего богатства, чтобы только вернуть своих детей, дочь или ее ребенка, которому, может быть, и не суждено было увидеть света, а следовательно, и жизни вечной? «Бедное дитя!»

Да, бедное дитя! Именно дитя, хотя ему и шел уже тридцатый год; вот до какого возраста дожил Юрген в Скагене.

Песочные заносы уже покрывали кладбище до самой стены церкви, но умирающие все же хотели быть погребенными рядом с ранее отошедшими в вечность, родными и милыми их сердцу. Купец Бренне и его жена тоже легли под белый песок возле своей дочери.

Пришла весна, время бурь; дюны курились, море высоко вздымало волны, птицы тучами летали над дюнами, испуская крики. О рифы разбивался корабль за кораблем.

Однажды вечером Юрген сидел в комнате один, и в его груди вдруг вспыхнуло какое-то беспокойное влечение, стремление вдаль, которое так часто увлекало его еще в детстве из дома на дюны и в степь.

«Домой, домой!» — твердил он; никто не слышал его; он вышел из дома и направился на дюны; песок и мелкие камешки летели ему в лицо, крутились вокруг него столбами. Вот он дошел до церкви. Песок занес всю стену и даже окна до половины, но проход к дверям был прочищен. Двери не были заперты и легко отворились; Юрген вошел.

Ветер выл над городом; разразился страшный ураган, какого не помнили жители, но Юрген был уже в доме Божиим. Вокруг стояла темная ночь, а на

душе у него было светло, в ней разгорался духовный огонь, который никогда не потухает совсем. Он почувствовал, что тяжелая глыба, давившая его голову, вдруг с треском свалилась. Ему чудились звуки органа, но это была буря и стонало море. Юрген сел на свое место; церковь осветилась огнями; одна свеча вспыхивала за другою; такой блеск он видел только раз в жизни, в испанском соборе. Старые портреты бургомистров и судей ожили, сошли со стен, где висели годы, и заняли места на хорах. Церковные ворота и двери растворились, и вошли все умершие прихожане в праздничных платьях, какие носили в их время. Они шествовали под звуки чудной музыки и усаживались на свои места. Хор запел псалмы; мощными волнами полились звуки. Старики, приемные родители Юргена, купец Бренне с женою, тоже были тут, а рядом с Юргеном сидела и милая, любящая дочь их Клара. Она протянула Юргену руку, и они пошли вместе к алтарю, преклонили колена, и священник соединил их руки, благословил их жить в мире и любви!.. Раздались звуки труб; полные звуки блаженно рыдали, словно сотни детских голосов, разрастались в мощные, возвышающие душу, бурные аккорды органа и снова переходили в нежные, чарующие, но вместе с тем способные потрясти могильные склепы!

Кораблик, что висел под потолком, спустился вниз, стал вдруг таким большим, великолепно разубранным, с шелковыми парусами, золочеными реями, золотыми якорями и шелковыми канатами, как тот корабль, о котором поется в старинной песне. Новобрачные взошли на корабль, все остальные прихожане — за ними; всем нашлось место, всем было хорошо. Стены и своды церковные зацвели, как бузина и душистые липы, и ласково протянули к кораблю свои ветви и листья, сплелись над ним зеленой беседкой. Корабль поднялся и поплыл по воздуху. Все свечи в церкви превратились в звездочки, ветер пел псалмы, пели и самые небеса:

«Любовь! Блаженство! Ни одна жизнь не погибнет, но спасется! Блаженство! Аллилуйя!..» Слова эти и были последними словами Юргена: порвалась нить, удерживавшая бессмертную душу... В темной церкви лежало только безжизненное тело, а вокруг нее по-прежнему бушевала буря, вихрем крутился песок.

Следующий день был воскресный; утром прихожане и священник отправились в храм. Трудно было туда пробираться: дорога сделалась почти непроходимой. Наконец, добрались, но... церковные двери оказались заваленными песком; перед ними возвышался целый холм. Священник прочел краткую молитву и сказал, что Господь закрыл для них дверь этого Своего дома, и им надо воздвигнуть Ему в другом месте новый.

Пропели псалом и разошлись по домам.

Юргена не нашли ни в городе, ни на дюнах, где ни искали, и решили, что его смыло волнами.

А его тело почивало в грандиозной гробнице — в самом храме. Господь повелел буре забросать его гроб землей, и он остается под тяжелым песчаным покровом и поныне.

Пески покрыли величественные своды храма, и над ним растут теперь терн и дикие розы. Из песков выглядывает лишь одна колокольня — величественный памятник над могилой Юргена, видный издали за несколько миль. Ни один король не достаивался более великолепного памятника! Никто не нарушит покоя умершего; никто и не знает или, по крайней мере, не знал до сих пор, где он погребен. Мне же рассказал обо всем ветер, разгуливающий над дюнами.

>